

Глава тринадцатая

Чу Ханьюэ проснулся на следующее утро, взглянул на своё отражение в зеркале — и заметил, что кожа светится куда ярче обычного. Вид сытый, отдохнувший, даже слегка пресыщенный.

Он сидел перед зеркалом и тупо смотрел на себя. Прошлой ночью снова был этот сон, да такой, что Бессмертный почтенный даже пообещал научить его искусству бессмертных — но как только всё закончилось, подхватил штаны и исчез.

Чу Ханьюэ в сердцах хлопнул по столу. Послышался треск — по столешнице пробежала трещина. Он с удивлением уставился на собственную руку. Силу он сдержал — при полном усилии стол рассыпался бы в щепки, это было ясно. Но от лёгкого хлопка дерево не должно было трескаться.

Он попробовал ощутить духовную силу внутри. Та мягкая, тёплая, текучая божественная энергия — её прибыло ещё немного. Как с ней обращаться, он по-прежнему не понимал. Она без конца просачивалась наружу, словно норовя окутать его целиком.

Чу Ханьюэ попытался её подавить. Напор оказался обманчивым — под видимой мягкостью скрывалась несгибаемая воля, ухватить которую не представлялось никакой возможности.

— Наставник, вы проснулись? — раздался голос Цинь Фэна из-за двери. — Наставник, я принёс завтрак.

— Входи.

Чу Ханьюэ поправил волосы и обернулся. В комнату вошёл Цинь Фэн с подносом в руках — вид у него был неважный, тёмные круги залегли под глазами.

— Снова не спал? — спросил Чу Ханьюэ.

— Немного, — отозвался Цинь Фэн, поджав губы. — Я в порядке, просто... страшновато одному. С детства привык быть сам по себе. Наставник не должен из-за меня беспокоиться.

От этих слов у Чу Ханьюэ что-то сжалось внутри. Он понимал: Цинь Фэн хочет спать вместе с ним. Но сам он ценил тишину и покой, а каждую ночь — визиты Бессмертного почтенного. Если ненароком издать при ученике какой-нибудь звук... позора не оберёшься. Поэтому он лишь ответил:

— Привыкай. Это лишь вопрос времени.

Цинь Фэн молча кивнул.

Главного он уже добился: Чу Ханьюэ принял его, перестал чуждаться. Заходить к нему во сне он мог в любой момент. Единственная помеха — это смертное тело: слабое, ненадёжное, не способное выдержать ночных отлучений души. Нужно как можно скорее укрепить и закалить его — и тогда каждую ночь он будет рядом со своим маленьким бессмертным господином.

Чу Ханьюэ посмотрел, как ученик поглощает паровые булочки — быстро, почти жадно.

— Ешь помедленнее. С такими манерами не вздумай говорить кому попало, что ты мой ученик.

Цинь Фэн привык к полной свободе. Есть мелкими кусочками претило его натуре — тут и мысли не было о какой-то деликатности. Но сейчас он невольно залюбовался тем, как ест Чу Ханьюэ, — сдержанно, изящно, с каким-то особым достоинством.

Цинь Фэн попробовал повторить.

— Наставник, вы таким родились или вас кто-то учил?

Чу Ханьюэ вспомнил своего наставника. Тот старик за едой всякое стеснение отметал — норовил залезть с ногами на стул и есть руками.

— Нет, наставник меня этому не учил.

— Значит, от природы такой? — Цинь Фэн и сам это знал. Его маленький бессмертный господин — совершенство во всём, и совершенство врождённое.

Но Чу Ханьюэ невозмутимо извлёк из-за пазухи книгу и протянул ему.

— Что это? — Цинь Фэн посмотрел на обложку: «Жизнеописание Бессмертного почтенного Хуаяна: Глава о быте».

Чу Ханьюэ решил, что ученик, возможно, не умеет читать, и пояснил:

— Здесь описаны привычки Бессмертного почтенного при жизни. Написано, что он всегда трапезничал в одиночестве, и каждый кусочек, который клал в рот, был одного размера. Там даже указан размер в мерах.

Цинь Фэн промолчал.

«В одиночестве» — так кто же тогда всё это записывал? А насчёт одинаковых кусочков — зёрна риса и те неодинаковы. Чистейшая выдумка.

Он-то думал, что Чу Ханьюэ умён. А тот, оказывается, верит подобным небылицам.

— Наставник, вы серьёзно в это верите?

— Верю. У меня дома ещё несколько таких книг — вернёмся, займёмся их изучением. — Чу Ханьюэ раскрыл книгу и ткнул пальцем в одно место. — Смотри: здесь написано, что сам наставник Хуаяна рассказывал это лично, а его младший брат всё записал своей рукой. Официальное издание, которому уже десять тысяч лет. Разве может быть ложью?

Цинь Фэн потерял дар речи. Стало быть, ещё десять тысяч лет назад, едва он вознёсся, его алчный наставник принялся торговать его именем.

— Кстати, наставник, вы только что сказали «при жизни Хуаяна». Хуаян умер?

Сам Цинь Фэн не помнил никакой смерти — он вознёсся живым.

— Да, — произнёс Чу Ханьюэ с нескрываемым благоговением. — Бессмертный почтенный пожертвовал собой ради целого города. Небеса были тронуты его жертвой и даровали ему вознесение. Этот дух самопожертвования достоин вечной памяти и подражания.

Цинь Фэн промолчал.

Он действительно спас целый город. Но не погиб — получил тяжёлые ранения. Видимо, наставник приукрасил всё ради лучших продаж.

— Наставник, завтра выезжаем? — не выдержал Цинь Фэн, меняя тему. От этих «деяний» делалось неловко.

— Незачем торопиться. Дорога долгая — лучше выехать послезавтра. Сегодня закупим всё необходимое.

Днём Чу Ханьюэ взял Цинь Фэна с собой на рынок. Чёрная змея тут же прицепилась — хочет идти тоже. Оба, что семнадцать, что восемнадцать, принялись ныть и клянчить, и Чу Ханьюэ, не устояв, прихватил их обоих.

Учить Цинь Фэна защитному заклинанию от холода он ещё не успел, поэтому купил им обоим несколько стёганных халатов и плащей. Чёрная змея смотрела таким жалобным взглядом, что пришлось прикупить пару вещей и ей.

Цинь Фэн любил чёрный цвет. Чёрная змея, напротив, была без ума от яркого — красного, зелёного, жёлтого: что покричашее, то и надень. Чу Ханьюэ несколько раз всерьёз задавался вопросом: уж не павлин ли перед ним, а не змея — этак тот ещё и хвост раскроет.

В конце концов, получив строгое предупреждение не привлекать лишнего внимания, Чёрная змея нехотя остановилась на однотонном красном наряде — и под шляпой с широкими полями выглядела уже не так вызывающе.

Чёрный и красный. Оба топтались рядом с Чу Ханьюэ: то тянули его к лотку с засахаренной боярышней, то требовали купить сахарных человечков. Чу Ханьюэ на собственной шкуре познал, каково это — таскаться по рынку с детьми, и с тоской вспомнил Цяо Цяньли. Тот никогда не льнул, всегда слушался. Вот уж поистине: при выборе ученика надо ценить именно такие качества.

К вечеру, вернувшись в постоянный двор, он чувствовал себя так, будто целый день провёл на тренировке. Лёг спать рано. Проснулся примерно через два часа — сон вышел коротким. Бессмертный почтенный так и не явился, не воспользовался случаем.

Чу Ханьюэ вышел из комнаты и обнаружил Чёрную змею и Цинь Фэна, сидящих на улице с орехами в сахаре. Увидев его мрачный вид, Чёрная змея робко протянула кусочек.

— Маленький бессмертный господин, хотите сладкого?

— Нет. — Чу Ханьюэ развернулся и ушёл к себе, едва не сорвав дверь с петель — не рассчитал силы.

Закрывшись в комнате, он достал из кармана маленькую статуэтку Бессмертного почтенного.

— Отчего же сегодня не пришли? Никак пожалели о вчерашних словах? Что ж, не приходите — с моими способностями мне всё равно не овладеть вашим искусством.

Огонь в лампе мигнул и погас. В следующий миг вспыхнул снова — и чьи-то руки обхватили Чу Ханьюэ сзади.

— Соскучился? — Цинь Фэн был чуть крупнее в кости, и Чу Ханьюэ умещался в его объятиях целиком. — Прихожу — гонишь прочь. Не прихожу — дуешься. Мой маленький бессмертный господин невероятно капризен.

Чу Ханьюэ нахмурился и бросил статуэтку на стол.

— Да как мне смело Бессмертного почтенного гнать? Небось в Небесном царстве — воля вольная. Зачем каждый день сюда наведываться, разве не утомительно?

Цинь Фэн читал его насквозь. Гордый кот, распушивший хвост, делающий вид, что близость ему ни к чему — а на деле хочет, чтобы его приласкали. Он стал успокаивающе поглаживать его, щекоча губами кончик уха.

— Нисколько. Просто в последнее время кое-какие дела навалились — не всегда получается. Но то, что обещал, сделаю.

— Что за дела? — Чу Ханьюэ вскинул голову. У Бессмертного почтенного Хуаяна дела наверняка важные, и любопытство взяло верх.

Цинь Фэн не ответил. Вместо этого взял его руку и принялся перебирать пальцы.

— Ты пробовал управлять той силой, что я передал?

— Пробовал, — Чу Ханьюэ мог бы ещё поупрямиться, но упускать урок Бессмертного почтенного казалось расточительством. — Не получается.

— Успокой разум. Почувствуй её — медленно, терпеливо. — Цинь Фэн взял со стола чашку и поставил перед ним. — Собери эту силу на кончиках пальцев и коснись чашки.

Чу Ханьюэ сосредоточился и осторожно прикоснулся к фарфору. Тихий треск — по стенке пробежала трещина, и из неё потёк золотистый свет, рассыпавшись мерцающими крупичками.

— Получилось?

— Да. Силы пока недостаточно, но уже одно это — большой успех. — Цинь Фэн взял его лицо в ладони и легко поцеловал в щёку. — Ты способный.

Чу Ханьюэ чуть смутился и отвёл взгляд.

— Вовсе не я способный. Это всё ваша сила. Разве любой, у кого она есть, не смог бы обратить предмет в пыль?

— Пожалуй. Я никому прежде её не передавал, точно не знаю.

Чу Ханьюэ повернулся к нему.

— И вы тоже касаетесь пальцем, чтобы обратить в пыль?

— Это было в самом начале. — Цинь Фэн покачал головой. — Теперь мне не нужно касаться. Достаточно рассеять силу вокруг — и всё, чего она коснётся, рассыплется в прах. Но это лишь первый шаг.

— А дальше?

Чу Ханьюэ думал, что дойти до этого — уже вершина мастерства. Выходит, нет. Бессмертный почтенный и впрямь был за пределами понимания обычного смертного.

— Моя сила умеет очищать. — Цинь Фэн слегка прикоснулся к чашке. Та рассыпалась золотым облаком, которое тут же начало собираться, клубиться — и снова стало целой чашкой. — Если бы это было существо из расы Яо — разорванное и собранное заново, — оно уже не было бы прежним. Скверна уйдёт вместе с осколками.

— Невероятно! — Чу Ханьюэ, кажется, совсем позабыл обо всех причудах Бессмертного почтенного за эти дни. Перед ним, будто светящийся в темноте, стоял живой воплощённый идеал. Он ни разу не рассматривал это лицо по-настоящему. Статуэтка была похожа — но лишь приблизительно.

Взгляд острый, черты строгие, внушающие невольный трепет. Встретиться с ним глазами казалось дерзостью. Это Чу Ханьюэ позволял себе лишь теперь, когда немного привык. Красив — ничего не скажешь. Ещё до вознесения ходили слухи, что многие женщины-культуратрисы добивались с ним парного совершенствования. После обретения бессмертия, поди, сам Небесный двор увяз в перипетиях его личной жизни. Всех ли он отверг, или...

— Ты снова что-то придумываешь? — Цинь Фэн читал его лицо, как раскрытую книгу, и улыбнулся. — У меня в сердце ты. Только ты.

— Вы умеете читать мысли?! — Чу Ханьюэ опешил.

— Умею, но это скучно. — Цинь Фэн щёлкнул его по щеке. — Ты и так всё на лице написал. Ревнуешь так, что в комнате кислым потянуло.

— Что за вздор. — Чу Ханьюэ оттолкнул его. — Уходите.

— Куда уходить? Ты только что восхищался мной, а я ещё не показал тебе самого интересного.

— Чего же?

— Вот этого. — Цинь Фэн поднял бровь, подхватил Чу Ханьюэ на руки и прижал к столу. — Ты, кажется, уже знаком с предметом. Не помешает повторить.